

О.А. Аршинцева

Репарации в европейской политике Великобритании в период рурского кризиса 1923 г.

Версальская система мирного урегулирования переживала в первой половине 20-х гг. нелегкий период становления. Это выражалось в периодически обострявшихся противоречиях по наиболее принципиальным и потому уязвимым вопросам мирных соглашений между победителями и побежденными. Наряду с проблемой европейской безопасности наиболее конфликтной была проблема германских репараций, ставшая причиной беспрецедентного международного кризиса в январе-ноябре 1923 г. Он известен в истории дипломатии как рурский в связи с тем, что его поводом стала франко-бельгийская оккупация Рура. Великобритания сыграла в ходе кризиса исключительно важную роль, эволюция британской официальной позиции во много определила перспективы ревизии репарационных постановлений и таким образом трансформацию версальской системы в сторону большей устойчивости. В английской историографии эта тема исследована в рамках разных – от официального до так называемого ревизионистского – направлений, что объясняет ее дискуссионный характер, и в целом широко представлена в источниках. Это позволяет восполнить имеющиеся в отечественной литературе пробелы, что тем более актуально в процессе переосмысления истории международных отношений XX в.

С момента подписания мирного договора с Германией в 1919 г. до конца 1922 г. – кануна рурского кризиса – позиция Великобритании по репарационному вопросу претерпела заметные изменения, что привело к охлаждению англо-французских отношений и сближению с Германией. Таким образом репарации соединили для Англии важнейшие направления ее европейской политики, косвенно затронув проблему военных долгов и отношения с США. После принятия в мае 1921 г. новой схемы репарационных платежей и провозглашения германским правительством Й. Вирта «политики выполнения» английская сторона в дискуссиях с Францией взяла на вооружение идею платежеспособности Германии в качестве основы репарационных претензий. Этот принцип по сути воспроизводил высказанный еще в 1919 г. известным критиком Версальского договора Дж.М. Кейнсом тезис о том, что Германия является ядром хозяйственной системы всей Европы, а без восстановления первой невозможно возрождение второй, а необоснованные репарационные претензии препятствуют этому. Британский премьер Д. Ллойд Джордж, единственный из

творцов Версальского мирного урегулирования, оставшийся у власти до конца 1922 г., попытался включить репарации в комплексную программу «европейской реконструкции» для обсуждения на Генуэзской конференции весной 1922 г., на которую впервые была приглашена побежденная Германия. Однако из-за возражений Франции эта попытка не удалась, поэтому летом 1922 г. обсуждение репарационной проблемы вернулось в традиционное русло. На заседаниях Репарационной комиссии с августа по декабрь 1922 г. британскому представителю Бредбери не удалось смягчить французскую позицию, также закончилась неудачей и последняя попытка, предпринятая англичанами на Парижской конференции союзников в начале января 1923 г.

Английские предложения были разработаны при участии Кейнса и Бредбери и повторяли идею о том, что восстановление германской экономики должно стать предварительным условием выплаты репараций. Они включали также принципы определения платежеспособности Германии и установления контроля над ее финансами, чем должен был заняться международный комитет экспертов с участием американцев. Предлагалось сократить до 50 млрд марок сумму репараций и предоставить Германии четырехлетний мораторий [1, с. 5–7]. В условиях нараставших англо-французских разногласий этот план носил явно декларативный характер, но при этом был очень созвучен американской позиции, о которой заявил в декабре 1922 г. госсекретарь Юз. Он как раз и предложил передать репарационную проблему на рассмотрение международного экспертного комитета. Так, еще до рурских событий возникли контуры будущего плана Дауэса, принятого в 1924 г.

Назревание репарационного кризиса на рубеже 1922–1923 гг. совпало с перегруппировкой политических сил в Англии и Германии. Глава нового германского правительства В. Куно, в отличие от своего предшественника Вирта, был сторонником более жесткого курса невыполнения репарационных обязательств, чтобы таким путем доказать необходимость ревизии версальских постановлений. Эта непримиримая позиция вносила серьезный кризисный элемент в англо-французские дискуссии по поводу репараций.

В Лондоне на смену консервативно-либеральной коалиции Ллойд Джорджа в ноябре пришел к власти консервативный кабинет Бонара Лоу-Болдуина. Несмотря на то, что Ллойд Джордж был вынужден –

после шестилетнего премьерства – уйти в отставку на волне внешнеполитических неудач, одной из которых его оппоненты сочли Генуэзскую конференцию, в европейской политике сохранилось больше преимущества, чем это можно было ожидать от консерваторов. Персонально ее воплощал Керзон, сохранивший пост министра иностранных дел в новом кабинете, а уход Ллойд Джорджа, который фактически определял послевоенную британскую дипломатию, способствовал восстановлению самостоятельности главы Форин офиса.

Формальным поводом для франко-бельгийского вторжения в Рур послужило признание Репарационной комиссией 9 января 1923 г. – при воздержавшемся от голосования британском представителе Бредбери – невыполнение поставок угля и леса со стороны Германии в счет репараций. С начала оккупации Рура, в ходе которой французы и бельгийцы заняли один из наиболее промышленно развитых районов Германии, английская сторона заявила о позиции «благожелательного нейтралитета», которая до выступления Керзона 20 апреля 1923 г., знаменовавшего поворот официального курса, внешне оставалась неизменной.

Разработка внешнеполитического курса Великобритании в условиях рурского кризиса сопровождалась довольно острыми дискуссиями, но разногласия носили скорее тактический характер. Все основные политические силы и течения – консерваторы, либералы и влиятельные лидеры лейбористов – признавали необходимость скорейшей нормализации положения на континенте и «умиротворения» Европы [2, р. 61–62]. В 1923 г. главным препятствием на пути к достижению этой цели оказалась Франция. С началом франко-бельгийской оккупации Рура традиционно свойственные консерваторам профранцузские настроения превращались скорее в формальное прикрытие официальной прагматической позиции. Смысл ее наиболее откровенно выразил английский посол в Берлине д'Абернон: французы должны сами убедиться в бесполезности предпринятой акции. В иных выражениях, но схожая по смыслу идея звучала на страницах проправительственно настроенной «Таймс», журнала «Экономист» и в публичных выступлениях парламентского заместителя министра иностранных дел Макнейла до начала парламентских слушаний по рурской проблеме [3]. Неизменность официальной позиции невмешательства премьер подтвердил, несмотря на резкие возражения либеральной и лейбористской оппозиции, при обсуждении в парламенте в феврале 1923 г. ситуации в Руре [4, col. 37–45, 766–774]. Однако если официально объявленный «благожелательный нейтралитет» исходил из принципа равноудаленности от обеих сторон конфликта, то д'Абернон уже на первом этапе кризиса настаивал на безоговорочной поддержке Германии и вмешательстве на ее стороне [5, р. 160]. Как ни парадоксально, поддержка Германии

приводила консервативно настроенного посла в лагерь радикальных критиков правительственной позиции невмешательства – лейбористов, которые на страницах своих периодических изданий обличали захватнические планы Франции и призывали немедленно передать репарационную проблему на обсуждение в Лигу наций [6]. Указанные расхождения с официальной позицией Лондона позволяют характеризовать д'Абернона как наиболее последовательного выразителя прогерманских настроений в британских общественно-политических кругах и объясняют его безоговорочную поддержку политики «пассивного сопротивления», которую в ответ на оккупацию Рура объявило правительство. Он предвосхитил и отчасти спровоцировал развитие событий и переход британской политики от нейтралитета к вмешательству, который произошел в апреле 1923 г.

Д'Абернон олицетворял собой германское направление активности британской дипломатии, которая за кулисами официального нейтралитета с весны 1923 г. активизировала контакты с Францией и Германией. Эта активность объяснялась комплексом причин: отсутствием желаемых результатов французской политики захвата «продуктивных залогов», нарастанием финансово-экономического, а в перспективе и социально-политического кризиса в Германии и на этом фоне тревожных для англичан признаков советско-германского сближения. Уже с середины марта Керзон при встречах с германским послом в Лондоне несколько раз повторял совет выступить с «разумным» предложением по репарационному вопросу, обращенным ко всем, включая Францию и США, заинтересованным сторонам [1, р. 180–181]. Самое активное участие в подготовке германских предложений принял д'Абернон. При этом речь не шла о прекращении «пассивного сопротивления», напротив, его продолжению способствовали некие негласные гарантии поддержки дипломатических шагов германского правительства со стороны Англии и США. Таким образом, выступление Керзона в палате лордов 20 апреля, которое принято считать началом поворота английской дипломатии к активному вмешательству в рурский конфликт, завершило скрытый подготовительный период. Глава Форин офиса заявил, что для поиска выхода из кризиса именно Германия должна выступить с конкретными репарационными предложениями, подтвердив сначала свою готовность платить [7].

С этого момента репарационный конфликт вступил в новую стадию многосторонних переговоров и дискуссий, ведущую роль в которых приняла на себя английская дипломатия. Цели ее заключались в том, чтобы добиться от Германии приемлемого для всех проекта репарационных выплат на условиях, что Франция признает поражение своей политики в Руре, и предусматривающих возможности американского

участия. Сложность поставленных целей заключалась в соединении стратегии – завершение кризиса и ревизия первоначальной репарационной схемы – и тактики, состоявшей в поиске компромисса в непримиримом франко-германском противостоянии.

Первый германский проект от 2 мая вызвал разочарование даже у «германофила» д'Абернона, настолько он не соответствовал британским представлениям о «разумности» [1, р. 273–275; 5, р. 205]. Добиваясь от Германии более взвешенного предложения, английская дипломатия была вынуждена одновременно опровергать подозрения, широко распространившиеся во французской прессе, по поводу своей причастности к его разработке. Болдуину, сменившему на посту премьера заболевшего Бонар Лоу, пришлось неоднократно заявлять, чтобы успокоить Францию, что английское правительство не возьмет на себя ответственность и не будет давать советы Германии по содержанию новых проектов [1, р. 304]. Вряд ли подобные заверения способны были обмануть французов, но в германском предложении от 7 июня были обойдены молчанием наиболее спорные моменты и высказана идея, уже неоднократно звучавшая накануне кризиса, о том, чтобы передать вопрос о платежеспособности Германии на рассмотрение беспристрастных экспертов [1, р. 318–320]. Это повторение предложения Юза недвусмысленно указывало на то, что без английских советов все же не обошлось. Однако, чтобы начать обсуждать этот вариант, необходимо было согласие Франции, а она еще не была готова признать собственное поражение в Руре и требовала до начала любых переговоров прекратить «пассивное сопротивление». Не сработала даже угроза заставить Францию платить военные долги. Поэтому англичане были вынуждены временно отступить, отказавшись от идеи совместного ответа Германии, и ограничились односторонней нотой, которая, правда, содержала рекомендации прекратить «пассивное сопротивление» [1, р. 430–434]. Но поскольку противостояние в Руре продолжалось, то время работало против Франции и на английские намерения. В Лондоне отчетливо понимали, что признание французами своей неудачи – вопрос ближайшего будущего, главное – не допустить необратимого по последствиям развития событий в самой Германии, в частности, социального взрыва, признаки которого нарастали и в Руре, и в Берлине. Политическим выходом из кризисной ситуации стала отставка правительства Куно и формирование новой коалиции во главе с Г. Штресманом, сторонником более разумного и взвешенного внешнеполитического курса. 26 сентября канцлер официально заявил о прекращении «пассивного сопротивления», готовности

принять англо-американскую схему урегулирования репарационного вопроса. Спустя месяц, 23 октября Германия подтвердила свою готовность возобновить репарационные поставки. Формальные причины, которые Франция выдвигала против возобновления переговоров по репарациям, таким образом, были ликвидированы, но французскую сторону все еще не устраивал англо-американский проект. Франция не хотела потерять свое влияние в Репарационной комиссии и передоверить судьбу репараций новому органу – комитету экспертов. Американское участие и американские деньги, антифранцузские намерения Германии и поддержка этих позиций с английской стороны означали крах французских репарационных планов.

На завершающем этапе рурского кризиса Великобритания употребила все возможные дипломатические методы воздействия на Францию. Британские усилия, в свою очередь, опирались на американскую поддержку. Когда французская сторона во время обсуждения в Репарационной комиссии стала требовать максимального ограничения полномочий экспертного комитета, американские и английские банки осуществили выброс французской валюты, что способствовало дальнейшему падению франка. Франция, оказавшись под угрозой изоляции и финансового краха, была вынуждена согласиться на принятие англо-американского проекта. 30 ноября 1923 г. Репарационная комиссия приняла решение о создании двух комитетов экспертов: одного для изыскания средств сбалансирования германского бюджета и другого для определения размеров вывезенных из Германии капиталов. Деятельность этих комитетов, решающая роль в которых принадлежала англичанам и американцам, была нацелена на поиск путей экономического «возрождения» Германии при англо-американской финансовой помощи. Главная идея проекта, который вылился в результате Лондонской конференции 1924 г. в известный «план Дауэса», соответствовала британской концепции урегулирования репарационной проблемы и ревизионистским целям германской политики. В соединении с новыми подходами к проблеме европейской безопасности, которые стали предметом обсуждения в Локарно в 1925 г., репарационная политика Великобритании стала важнейшим фактором перегруппировки сил на европейском континенте – восстановления равноправных позиций Германии. Эту политику, которая в новых послевоенных условиях воспроизводила дух, но не букву классической схемы европейского равновесия сил, можно признать результативной в среднесрочной перспективе предстоящего докризисного пятилетия.

Литература

1. Documents on British Foreign Policy. First Ser. Vol. 160. – L., 1923.
Vol. XXI. – L., 1978.
2. Medlicott W.H. British Foreign Policy since Versailles (1921–1939). – L., 1940.
3. Times. 1923. 15.1, 19.1. Economist. 1923. 20.1.
4. Parliamentary Debates. House of Commons. 5th Ser.
5. D'Abernon. An Ambassador of Peace. Lord d'Abernon Dairy. Vol. 2. – L., 1929.
6. Daily Herald. 1923. 15.1.
7. Times. 1923. 21.1Y.